

НЕВРАСТЕНИЯ

и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, невралгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапией, высылаются за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-вья ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ВЕЧЕРНИЕ АГРОНОМИЧЕСКІЕ КУРСЫ

Петроградскаго О-ва Народн. Университетова. На курсъ принимаются лица обоего пола, не моложе 16 лѣтъ, окончившія пиншную с.-х. школу или имѣющія свидѣтельство 4-хъ клас. гимн., реальн. учил., коммерч. и т. п. Плата за слуш. дощій и практическихъ занятій 70 руб. въ годъ. Курсы четырехлѣтніе. Начало занятій 15-го сентября. Канцелярія открыта по субботамъ съ 6—8 ч. Петроградъ, Моховая, 35. Прокреты высылаются по требованію.

ЖЕЛЕ. МЫЛО. ПУДРА
ФИЛОДЕРМИНЪ
для смягченія и бѣлизны
кожи лица и рукъ
А. ЛЕМЕРСЬЕ.

Употребляйте PASTILLES VALDA (Лепешки Вальда) отъ ПРОСТУДЫ.

Лепешки эти продаются въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ исключительно въ коробкахъ съ красной бандеролью снабженныхъ именемъ

VALDA

и адресомъ единственнаго ихъ
фабриканта
H. CANONNE
PARIS.

Новое изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Печатается и въ скоромъ времени поступитъ въ продажу:

ЗАГОВОРИЛИ МОЛЧАВШІЕ!

Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

письма англійскихъ солдатъ
съ 74 иллюстраціями.

ПАМЯТЬ укрѣпляетъ ЗА-
МНО профессор
мне, Чл. Наруж. Акад. С. Файн-
штейн, ОДЭСЬ, 17/28.
Практика. в Россіи уже сот. 28 л.
съ больш. успѣх. (см. Ж. М. Нивы)
пр. з. л. — Проз. вых. на 10 к. мар.

Каталогъ для учащихся
ср.-уч. зав. и готовящихся
высылаются по требованію бесплатно.
Книжный магазинъ А. И. НАЗАРОВА, изд.
Москва, Тверская, Девятинский, 17.

Только-что вышла новая книга
„РУССКІЙ ДАРЪ МІРУ“
Вкладъ Россіи въ міровую культуру.
Русская литература, наука и искусство въ оценкѣ 20 англійскихъ ученыхъ. Переводъ съ англійскаго языка.
Цѣна 50 коп., пачокъ лт. 70 коп.
Продается въ кн. магаз. „Новое Время“,
Вольфа, Карбачникова и др. Складъ изданій:
Книжн. магаз. „Общественная Жизнь“.
Петроградъ, Офендерская ул., 5. вых.

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ,
ул. Гоголя, 22.

Потапенко, И. Н. Т. I. „Счастье
поневоли“. Т. II. „На дѣйствительной служ-
бѣ“. Т. III. „Жизнь жпзнь“. Т. IV. „Здравый
пониманіе“. Т. V. „Побѣда“. Т. VI. „Песни“.
Т. VII. „Дни счастья“. Т. VIII. „Однѣнь“.
Т. IX. „Записки стараго студента“. Т. X.
„Свѣтлый лучъ“. Т. XI. „Любовь“. Т. XII.
„Сильфиды“. Изданіе издан. книги in 8°.
Цѣна каждого тома 2 руб., съ перес. 2 р. 25 к.;
въ перепл. 2 р. 60 к., съ перес. 2 р. 85 к.

Саловъ, И. А. ПОЛНОЕ СОБРА-
НІЕ СОЧИНЕНІЙ.
Т. I. „Мертвое тѣло“. Т. II. „Разбитая
жизнь“. Т. III. „Олимпийскій молодой ба-
рихъ“. Т. IV. „Гризуны“. Т. V. „Грезы“.
Т. VI. „Грачевскій крокодилъ“. Изданіе
изданіе in 8°. Цѣна каждого тома 1 р. 25 к.,
съ перес. 1 р. 50 к.; въ перепл. 1 р. 75 к.,
съ перес. 2 р.

Баранцевичъ, К. С. ПОЛНОЕ СОБРА-
НІЕ СОЧИНЕНІЙ Т. I. „Чужакъ“, 26 рассказовъ.
Т. II. „На поляхъ Божьихъ“, 36 рассказовъ.
Т. III. „Тихое счастье“, 22 рассказы. Т. IV.
„Петербургскій случай“, 23 рассказы. Т. V.
„Знакъ“, 32 рассказы. Т. VI. „Послѣдняя
воля“, 16 рассказовъ. Т. VII. „Побѣда“,
18 рассказовъ. Т. VIII. „Раба“, 24 рас-
сказа. Т. IX. „Муть“, 33 рассказы. Изданіе
изданіе in 8°. Цѣна каждого тома
1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.; въ перепл.
1 р. 75 к., съ перес. 2 руб.

Жуковский, В. А. ПОЛНОЕ СОБРА-
НІЕ СОЧИНЕНІЙ
въ 3-хъ томахъ. Подъ ред. проф. А. С.
Архипельскаго. Прекрасное изданіе на
хорошей бумагѣ. Цѣна трехъ томовъ —
3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.; въ 3-хъ пер-
епл. 4 р. 20 к., съ перес. 4 р. 75 к.

№ 38. Выходитъ ежедѣльн. (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУКИНА, И. А. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИКА,
12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 № „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.
Выданъ 19 сентября 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—15 к. съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Содержаніе. Т. Е. К. Т. Днѣпльскіе военныя дѣйствія. К. Шумскаго. — Чтѣ принесла Германія морская блокада? З. Р. — Два солдата. Рассказъ
Н. Киселева. — Въ зарѣвѣ войны. (Записки военного корреспондента М. Доманскаго). — Три спѣчки. (Народное повѣрье). Стихотвореніе
Георгія Иванова. — Заявленіе. — Объявленія. — Отклики войны.
Р. И. С. У. Н. К. Заслуженный артистка Императорскихъ театровъ М. Г. Савина — Флягель-адъютантъ Б. А. Вилькицкий. — Городъ Тирнополь. — Костель въ Густинѣ
(Галичина) 2 рис. — Артуръ Блгсвоттъ. — Ноздъ Лоренсъ. — Могила товарищъ. — Англійскій и германскій флотъ въ Сѣверномъ морѣ. — На позиціяхъ въ Курляндіи. По фот.
полковника А. Д. Далматова (9 рис.). — Въ минуты отдыха. — Шорники за работой. — Походная пузница. — Павшіе въ бою (25 портр.). — На питательномъ пунктѣ
(9 рис.). — Панорама у ярости, видимая съ артиллерійской вышки въ сейсъ-трубу.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ кн. 13.

Заслуженная артистка Императорскихъ театровъ
Марія Гавриловна Савина.
† 8-го сентября 1915 г.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Н. Шумскаго.
Конный набѣгъ.

Прибалтійская армія генерала Белова, дойдя до Западной Двины у Фридрихштадта, не приступила къ переправѣ черезъ Двину, какъ этого многие ожидали, и, следовательно, не двинулась въ операционномъ направленіи къ сѣверной столицѣ. Вмѣсто этого армія Белова, выставивъ заслонъ въ сторону Риги, повернула значительными силами круто направо — въ направленіи къ юго-востоку, и повела операцію сначала противъ Двинска, а потомъ противъ Свѣнцианъ.

Такимъ образомъ участокъ Двинскъ—Свѣнцианы петроградско-варшавской желѣзной дороги сталъ, нѣсколько неожиданно для многихъ, объектомъ операций прибалтійской арміи генерала Белова, вмѣсто Западной Двины. Черезъ день-два къ арміи Белова присоединилась конная армія Эйхгорна, наступавшая противъ Вильны. Тогда уже оказался атакованнымъ участокъ петроградско-варшавской желѣзной дороги Двинскъ—Свѣнцианы—Вильна, при чемъ противъ этого участка вели атаки уже двѣ арміи — Белова и Эйхгорна.

Эта операція обозначила собою охватъ праваго крыла нашего „западнаго фронта“, каковой „западный фронтъ“, какъ известно, протягивался отъ Вильны до Пинскихъ болотъ. Какъ мы уже отмѣчали, противъ этого „западнаго фронта“ наступали фронтально шесть-семь австро-германскихъ армій, атаковавшихъ Вильну, Стоунимъ, Барановичи и Пинскъ. Следовательно, къ этимъ шести-семи арміямъ, атаковавшимъ фронтально линію между Вильной и Пинскими болотами, присоединились двѣ арміи Эйхгорна и Белова, охватывавшія съ сѣвера ту же линію между Вильной и Пинскими болотами.

Послѣ ряда упорныхъ боевъ противнику удалось овладѣть станціей Свѣнцианы и прилегающимъ къ ней участкомъ петроградско-варшавской желѣзной дороги. Когда противникъ такимъ образомъ утвердился у Свѣнцианъ, т. е. на участкѣ петроградско-варшавской дороги между Двинскомъ и Вильной, онъ немедленно бросилъ свою кавалерію на слѣдующую параллельную петроградско-варшавской желѣзной дороги магистраль — Бологое—Сѣдлецъ. Для этого былъ двинута конная масса въ составѣ тринадцати кавалерійскихъ дивизій, подкрѣпленная артиллеріей, пулеметами и егерскими, т. е. стрѣлковыми батальонами. Всего эта масса составляла около 25 тысячъ всадниковъ при нѣсколькихъ тысячахъ легкой пѣхоты и, примѣрно, при сотѣхъ орудій.

Эта конная масса послѣ прорыва петроградско-варшавской желѣзной дороги у Свѣнцианъ двинулась быстро къ юго-востоку по желѣзнодорожной линіи Свѣнцианы—Глубокая и вышла къ бологое-сѣдлецкой желѣзной дорогѣ. При этомъ легкая пѣхота слѣдовала за конницей и артиллеріей на автомобиляхъ и на повозкахъ.

Конница противника вышла на бологое-сѣдлецкую желѣзную дорогу на участкѣ Полоцкъ—Молодечно, но при этомъ не дошла ни до Полоцка ни до Молодечна, а лишь разрушила дорогу посреди между этими двумя пунктами. Движеніе нашихъ конныхъ частей, а также пѣхоты изъ-за Двины, со стороны Полоцка, приостановило распространеніе противника къ Полоцку.

Тогда конница противника, за которой, какъ оказалось впоследствии, слѣдовали значительныя массы пѣхоты армій генерала Эйхгорна, повернулась въ другую сторону, а именно — въ сторону Молодечна, каковая станція находится, примѣрно, посре-

Капитанъ 2-го ранга флигель-адъютантъ Б. А. Вильюкинъ, совершившій переходъ на двухъ транспортахъ-ледоколахъ „Таймырь“ и „Вайгачъ“ по Сѣверному океанскому пути изъ Владивостока въ Архангельскъ, куда благополучно прибылъ 3-го сентября 1915 г. По фот. I. Олупа.

динѣ желѣзной дороги Вильна—Минскъ. Противникъ, очевидно, стремился занять Молодечно, чтобы воспрепятствовать отходу нашихъ виленскихъ войскъ на Минскъ. Однако противникъ не былъ допущенъ къ станціи Молодечно, и наши арьергарды удержали его до тѣхъ поръ, пока наша виленская группа не миновала станціи Молодечно.

Такъ какъ южнѣе Молодечно отъ Вильны отходилъ другой путь — на Лиду и Барановичи, то другая армія противника — генерала Гальвица, наступавшая отъ Гродны, бросилась къ Лидѣ, чтобы закрыть выходъ виленской группѣ и по этой дорогѣ Вильна—Лиды—Барановичи. Однако и здѣсь противникъ не былъ допущенъ къ Лидѣ, и наши арьергарды впереди Лиды удержали армію Гальвица до тѣхъ поръ, пока части нашей виленской группы, отходившія отъ Вильны черезъ Лиду, не прошли черезъ Лиду.

Такимъ образомъ въ окончательномъ итогѣ противнику не удалось закрыть выходъ виленской группѣ, и набѣгъ конницы его имѣлъ своимъ результатомъ лишь занятіе, кромѣ петроградско-варшавской дороги, еще нѣкотораго участка бологое-сѣдлецкой дороги между Полоцкомъ и станціей Молодечно.

Это имѣло нѣкоторое стратегическое значеніе. Для того, чтобы уяснить себѣ, въ чемъ заключалось стратегическое значеніе появленія противника на бологое-сѣдлецкой дорогѣ, необходимо вспомнить, что наибъ „западный фронтъ“, протянувшійся между Вильной и Пинскими болотами, имѣлъ три коммуникаціонные пути, отходившіе къ сѣверо-востоку, по которымъ шло сообщеніе съ тыломъ: участокъ петроградско-варшавской дороги — Молодечно — Полоцкъ и участокъ бологое-сѣдлецкой дороги — Барановичи — Минскъ. Следовательно, съ занятіемъ петроградско-варшавской дороги и съ появленіемъ противника на участкѣ Молодечно—Полоцкъ бологое-сѣдлецкой желѣзной дороги, отъ нашего „западнаго фронта“ отходилъ только одинъ коммуникаціонный пунктъ по московско-брестской дорогѣ — черезъ Барановичи—Минскъ и далѣе къ сѣверо-востоку.

Это положеніе давало нѣкоторую аналогію съ положеніемъ манчжурскихъ армій въ кампанію 1904—1905 годовъ, когда у манчжурскихъ армій былъ, какъ известно, только одинъ коммуникаціонный путь, но значительно болѣе длинный — сибирская желѣзная дорога.

Поэтому наличіе лишь одного коммуникаціоннаго пути дѣлало этотъ путь крайне чувствительнымъ и подразумевало возможность всякихъ покушеній на этотъ путь со стороны противника, который будетъ пытаться лишить насъ и этого коммуникаціоннаго пути. Следовательно, послѣ появленія противника на участкѣ Полоцкъ—Молодечно бологое-сѣдлецкой желѣзной дороги, слѣдовало ожидать, что онъ двинется къ Минску и Борисову московско-брестской дороги, отъ которой противника отдѣляло 80—100 верстъ.

Кромѣ того, если прочесть далѣе операционное направленіе армій противника, проникшихъ отъ Свѣнцианъ къ бологое-сѣдлецкой дорогѣ, то оно выводило не только на Минскъ и Борисовъ, но и далѣе къ Пинскимъ болотамъ, т. е. противникъ,

Артуръ Бигсоттъ, англійскій военный летчикъ, потопившій бомбами съ аэроплана германскую подводную лодку.

шницъ войскамъ, сражавшимся у Барановичей, Стоунима и Лиды. Конечно, этотъ фантастическій планъ не могъ быть осуществленъ противникомъ, подобно тому, какъ до сихъ поръ противникъ не осуществилъ ни одного стратегическаго окруженія, какъ, напримѣръ, не добился стратегическаго окруженія въ „варшавскомъ мѣшкѣ“.

Слѣдовательно, этотъ замыселъ противника не столько намѣчалъ „прижатіе“ насъ къ Пинскимъ болотамъ, сколько угрозу нашимъ путямъ отступленія съ тѣмъ, чтобы мы въ видѣ отвѣта этой угрозы поспѣе отошли отъ Лиды, Стоунима и Барановичей къ верхнему Днѣпру въ могилевскій районъ, очистивъ такимъ образомъ и минскій районъ.

Однако наступленіе противника отъ бологое-сѣдлецкой дороги на перерывъ московско-брестской дорогѣ было задержано впереди этой дороги, и противникъ тогда отхлынулъ съ частью силъ къ виленскому району, гдѣ продолжалъ пытаться охватить часть виленской группы, чего ему сдѣлать не удалось.

Оцѣнивая эту операцію противника, мы видимъ, что противникъ прибѣгъ здѣсь къ особому приему. Этотъ приемъ заключался въ томъ, что противникъ двинулъ сначала на перерывъ петроградско-варшавской, бологое-сѣдлецкой и московско-брестской дорогъ только одну армію Белова, т. е. тысячъ двѣсти. Этимъ противникъ хотѣлъ какъ бы убедить насъ въ томъ, что его охватъ, какъ виденный небольшими силами, не столь ужъ серьезенъ. Если бы противникъ двинулъ сразу пять армій, т. е. до 1 миллиона человекъ, то, конечно, движеніе миллиона человекъ отъ Свѣнцианъ наперерывъ бологое-сѣдлецкой и московско-брестской желѣзныхъ дорогъ явно бы означало, что противникъ хочетъ прижать наши арміи къ Пинскимъ болотамъ. Но противникъ не хотѣлъ этого заблаговременно обнаружить и надалѣе, придержавъ насъ у Лиды, Стоунима и Барановичей, успѣлъ закрыть выходы къ сѣверо-востоку у Минска и Борисова районо, чѣмъ туда отойдутъ войска отъ Лиды, Стоунима и Барановичей.

Поэтому-то противникъ, не показывая сначала серьезной угрозы,

пропавшійся у Свѣнцианъ, стремился проскочить къ бологое-сѣдлецкой дорогѣ, а оттуда къ московско-брестской и затѣмъ къ Пинскимъ болотамъ, чтобы такимъ путемъ закрыть выходъ къ сѣверо-востоку на

длинную одну только армію Белова къ Минску и Свѣнцианамъ. Затѣмъ къ нему автоматически присоединилась сосѣдняя виленская армія Эйхгорна, и число охватывающихъ войскъ уже удвоилось.

Костель въ Гусятинѣ (Галичина), построенный въ 1599 г.; часть его стѣнъ полуразрушена, но зданіе осталось въ полной сохранности.

Внутренній видъ костела въ Гусятинѣ (Галичина). Живопись очень древняя и не реставрированная.

Нозль Лоренсъ, командиръ англійской подводной лодки, награжденный орденомъ св. Георгія 4-й степени за удачную атаку линейнаго корабля германскаго флота типа „Мольте“ въ Балтійскомъ морѣ.

Еще далѣе, по мѣрѣ занятія противникомъ Свѣнцианъ, Вильны и бологое-сѣдлецкой дороги, къ противнику присоединилась оранская группа войскъ, наступавшая между Вильной и Гродной. Тутъ же рядомъ съ оранской группой оказалась армія Гальвица, которая также завернула къ востоку и также стала охватывать.

Такимъ образомъ, въ теченіе 2—3 дней, вмѣсто одной арміи Белова стало охватывать цѣлыхъ пять армій, наступавшихъ между Лидой и Двинскомъ черезъ бологое-сѣдлецкую дорогу въ направленіи на

московско-брестскую.

Однако это наступленіе было задержано впереди московско-брестской дороги, а наши арміи, находившіяся у Лиды, Стоунима и Барановичей, стали отходить вдоль московско-брестскаго пути къ сѣверо-востоку, въ направленіи къ минскому району. При этомъ пять охватывающихъ армій противника были отвлечены дѣйствіями нашихъ войскъ на ихъ лѣвомъ крылѣ — у Двинска и впереди Полоцка на бологое-сѣдлецкой дорогѣ.

Такимъ образомъ грандіозный стратегическій охватъ противника, мечтавшего прижать насъ къ Пинскимъ болотамъ, былъ приостановленъ и между московско-брестской и бологое-сѣдлецкой дорогами, и на широкомъ 100-верстномъ промежуткѣ завязались упорнѣйшіе бои.

Отъ исхода этого сраженія зависѣла судьба всего Полѣсся и района къ сѣверу отъ него, т. е. громаднаго пространства между линіями Двинскъ—Полоцкъ—Витебскъ—Могилевъ и линіей Лиды—Барановичи—Пинскъ. Противнику необходимо было для завершенія „програмы перваго года войны“ выйти къ верхнему Днѣпру въ могилевскій районъ, и онъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы выломить обходъ пяти армій, выводившихъ его къ верхнему Днѣпру и Березинѣ. Результаты этого сраженія должны были обрисоваться въ теченіе ближайшей недѣли.

Городъ Тарнополь (Восточная Галиція)

Что принесла Германии морская „блокада“?

(Съ картой на стр. 705).

Этого вопроса не раз касалась печать разных стран. Подробное обсуждение его и категорический ответ на него дает нью-йоркский журнал „World's Work“ („Мировая работа“). Вопрос поставлен так: Достигла ли блокада своей цели? Изолирована ли Англия? Принесла ли она Германии пользу, равную вреду, который причиняет ей вызванная безбожностью припадением этой мѣры мировая вражда?

Проверка достигнутых результатов дает факты и цифры, сами по себе, положим, достаточно ужасающие, но требующие освящения путем статистики и сравнений.

Блокада вошла в силу 17-го февраля и. ст. „Лузитания“ потоплена 7-го мая. За эти 78 дней было потоплено 90 судов: 63 английских, 5 французских, 3 русских, остальные нейтральные — американские, голландские, шведские, норвежские, одно датское, одно греческое. На первый взгляд — много, очень много. Но взгляд изменится, если приложить масштаб сперва арифметики, потом — истории. 90 судов в 78 дней: это дает 1 1/6 судна в день. В 1912 году Великобритания имела 3.386 парусников и 9.672 парохода, всего 13.058 судов, занимавшихся домашней береговой и транзитной торговлей. На уничтожение этих судов, считая по 1 1/6 в день, потребуется 11.257 дней, иначе сказать — 30 лет, 10 месяцев и 7 дней, не включая сюда новых судов, которые за это время будут строиться.

Исторический масштаб дает результат не более утешительный для Германии.

В 1812 году Соединенные Штаты воевали с Англией, военный флот которой, будучи несравненно больше и лучше американского, держал все атлантическое побережье под строгой блокадой. И все же, в эту три года длившуюся войну, американские военные корабли и каперы отобрали у англичан до 2.500 судов, средним числом около 2 1/2 в день.

Судя по всем этим данным, не предвидится, чтобы „изоляция“ Великобритании нанесла большой ущерб ее заморской торговле. Статистика, напротив того, показывает значительное увеличение ввоза всевозможных товаров за истекший март против того же месяца в прошедшем году, невзирая на то, что в этом самом месяце были потоплены 25 британских судов и 4 нейтральных. На деньги это представляет скачок от 670 миллионов рублей до 756 миллионов. В эти ввозы за март прошедшего 1914 года входило муки и хлеба зерно на 59 миллионов, за истекший же март на 96 миллионов почти вдвое. Разных металлов было ввезено на 6 миллионов больше. Лошадей из Соединенных Штатов в март 1914 года было ввезено 760, в март же текущего года 3.465.

Съ начала войны до 7 мая 1915 г. (9 месяцев и 1 неделя) Германия уничтожила 143 британских судна и 13.058 — 1% съ небольшим, а если считать по вместимости, получится уничтоженных 339.760 тонн из 11.714.198, — т. е. около 3%. Если считать, что судно может прожить 25 лет, то это меньше нормального процента его обезвреживания за то же время, что представляет собой ужь незначительный финансовый ущерб всему британскому судовому комплексу.

Несомненно, что устрашающего воздействия можно ожидать скорее от нравственного впечатления, которое производит блокада, а главное — безответный способ ее применения, нежели от наносимого финансового убитка. Но и тут история учит, что страх смерти никогда надто не удерживал отважных людей от риска, даже когда дело шло исключительно о наживе, а не имело, как в настоящем случае, еще и высокую идейную сторону.

Но великий и непоправимый вред блокады нанесла и продолжает наносить своим учредителям. Если бы топ-

лись только суда воюющих сторон, притом съ соблюдением гуманитарных женевских и гаагских правил, это не вызвало бы особенно злобных чувств: что делать, на то война. Но своим полным несудачением къ нейтральным флагам, безпримѣрной жестокостью, съ которой губится жизнь сотен людей, ничѣм къ войнѣ не причастных, мирно занимающихся своим частным делом, безъ разбора национальности, пола и возраста, германцы выгнали всемирное къ себѣ негодование и отвращение. Потопление „Лузитания“, заочно обдуманное и заранее нагло объявленное, стоявшее жизни не меньше какъ тысячъ частных людей, въ томъ числѣ ста сличкомъ американцевъ и многихъ десяткамъ гражданъ дружна нейтральныхъ странъ, а затѣмъ недавнее потопление „Арабика“ затѣянъ въ предыдущемъ „подвигѣ“ современныхъ викинговъ, и весь миръ утвердить приговоръ: „массовое убійство“, вынесенный английскимъ общественнымъ судомъ. Известно, какой переворотъ этотъ брошенный въ лицо всему христіанскому миру вызовъ произвелъ въ отношеніи Америки къ Германии. Отношение это, по разнымъ причинамъ, изъ которыхъ главной является присутствіе въ Штатахъ могущественнаго германскаго элемента въ лицѣ восьмимилліоннаго такъ называемаго „германо-американскаго“ населенія, до того замѣтно благожелательное, много превратилось въ открыто враждебное и, только благодаря осторожности стоящаго во главѣ націи правительства, не выразилось импulsiveмъ объявленіемъ войны. Но нейтралитетъ бываетъ разный, и Америка имѣетъ много возможностей, не пугаясь ему формально, весьма ощутительно дать почувствовать свое неудовольствіе.

Итакъ, оканчивая свое разсужденіе журналъ: „Германия своей „изолирующей“ политикой достигла совершенно неожиданнаго для нея результата. Если, по части физическаго изолированія великобританскихъ острововъ, она можетъ похвалиться нѣкоторымъ успѣхомъ, зато съ политическимъ успѣхомъ самою себя изолировала отъ симпатій и нравственной поддержки всего цивилизованнаго міра. Бисмаркъ считалъ цѣность нравственной поддержки своей политики не меньшей мѣрой равной цѣности физической мощи военнаго строя Германии. Нынешніе же правители Германии ставятъ нравственную поддержку ни во что. Чемъ сужденіе вѣрнѣе, — покажетъ время. Весьма возможно, что установленіе военной зоны вокругъ Великобританіи окажется рѣшительнымъ толчкомъ въ сторону паденія Германскаго имперіи“.

З. Р.

Чаепитіе на позиціяхъ. Офицеры гусарскаго полка, вмѣстѣ со священникомъ своимъ о. Покровскимъ, довольно комфортабельно устроились на позиціяхъ, подъ прикрытіемъ обстрѣливаемаго нѣмцами блиндажа.

На позиціяхъ въ Курляндіи. По фот. полковника А. Д. Далматова.

(См. очерки Н. Н. Брешко-Брешковскаго: „На Прибалтійскомъ театрѣ войны“ и „Война въ Прибалтійскомъ краѣ“ въ №№ 26 и 27 „Нивы“).

Два солдата.

Разсказъ Н. Киселева.

Есть такая притча: была у царя корона, одѣванная неусоно изъ чистаго золота, и украшена она была драгоценными камнями: алмазами, рубинами, опалами, изумрудами, сапфирами. Своя игра у каждаго камня, свой блескъ, своя красота, своя особая, незабываемая цѣнность. Ни одного камня нельзя выбрать, ни про одинъ камень нельзя сказать: „это плохой камень“, и ни одинъ камень недостойно унизить передъ другими! Корона эта — земля, а камни — люди Господни.

Вотъ тогда-то и вспомнилась мнѣ притча эта. Наслаждаясь лѣтнимъ отдыхомъ поостъ муштровки военнаго училища, бѣхалъ я изъ отцовскаго имѣніица въ гости къ родному дядѣ, старому отставному генералу, грузному и тяжелому на подъемъ, но съ открытымъ, крикливымъ и радужнымъ характеромъ. Бѣхалъ я къ нему каждое лѣто съ самыхъ младенческихъ лѣтъ своихъ. Время брало свое, и съ каждымъ годомъ генералъ становился все грузнѣе и неподвижнѣе. Но я словно умышленно не хотѣлъ замѣчать въ немъ никакой перемѣны. Въ моихъ глазахъ онъ все былъ такимъ же, какимъ остался въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ. Тамъ, въ ясномъ дѣтствѣ моемъ, я всегда видѣлъ его высокую и дорожную фигуру величественно расхаживающей по усадьбѣ и огромнѣйшимъ голосомъ отдающей приказанія работникамъ, чуть не за версту что-то дѣлавшимъ въ полѣ. Или видѣлъ я его сидящимъ на деревянномъ скрипучемъ крыльцѣ стараго барскаго дома, на широкихъ кожаныхъ креслахъ съ какими-то чугунными шишечками наверху, и вершинамъ расправу надъ нерадивыми. И для меня и для моего старшаго брата, тогда еще мальчика, а теперь уснувшего великою смертью храбрыхъ, не было большаго наслажденія, какъ смотрѣть на эту расправу. Всѣ рабочіе, пока жили въ имѣніи, столь подпадали подъ обаяніе генеральской прямоты, что охотно всего подчинялись его военной дисциплинѣ.

— Налѣво кругомъ марш! Подъ часы! — командовать на всю окрестность генералъ, и виновные ворочались, кто налѣво, кто направо, лихо отбивали ногу и становились къ прохладной стѣнѣ варка, наказанные, гордые своей военной выправкой, сладко отдыхая въ густой тѣни отъ солнечнаго зноя.

И всегда мнѣ вспоминается при этомъ одинъ смѣшной случай, какъ какой-то сильно виновный и выпившій мужичокъ послѣ команды повалился въ ноги генералу и замолчилъ:

— Ослобони отъ варка, ваше благородіе!

— Какъ? Что? — запрѣтилъ генералъ.

— Погоди ты меня, баринушка.

— Какое же я имѣю право? — смутился генералъ.

— А ты безъ права. Вели, ваша милость, кучеру Игнашку наломать березокъ похлеще. Онъ сбѣгаетъ, ужъ я уприсилъ его. Да выскочи ты меня до того, чтобы мнѣ далеко нельзя было бѣгать.

— Пошелъ, пошелъ къ варку! Проспись тамъ хорошенько!

— Проспать-то я проспалось, да вѣдь завтра опять за водкой

Пулеметы въ дѣйстви. Тотчасъ же по взятіи нашими гусарами баронскаго имѣнія откуда выбиты были заставшіе нѣмцы, пулеметная команда съ изумительной быстротой втащила два пулемета на крышу-площадку высокой башни замка, и отступающій врагъ былъ обстрѣлянъ, потерявъ много пѣхотинцевъ и всадниковъ.

На позиціяхъ въ Курляндіи. По фот. полковника А. Д. Далматова.

(См. очерки Н. Н. Брешко-Брешковскаго: „На Прибалтійскомъ театрѣ войны“ и „Война въ Прибалтійскомъ краѣ“ въ №№ 26 и 27 „Нивы“).

Солдатъ-скульпторъ. Унтеръ-офицеръ гусарскаго полка Шаталовъ и въ мирное время отличался большими способностями къ скульптурѣ. На войнѣ, канъ въ Польшѣ, такъ и въ Курляндіи, Шаталовъ, отважный солдатъ и георгиевскій кавалеръ, на передовыхъ позиціяхъ усердно занимался скульптурою, лѣля изъ рѣчной глины цѣлыя группы въ натуральномъ человѣческомъ ростѣ. На снимкѣ полковникъ Далматовъ Шаталовъ изображенъ рядомъ со своимъ послѣднимъ произведеніемъ. Русский солдатъ шаловливо треплетъ за ухо и за носъ Вильгельма. Эту композицію Шаталовъ вылепилъ въ продолженіе часа въ имѣніи Априентъ, тотчасъ же по изгнаніи оттуда нѣмцевъ. Отходя, гусары уничтожили группу, чтобы нѣмцы изъ мести не сожгли сосѣднія латышскія мызы.

побѣгу на село. А время, самъ знаешь, какое горячее, и для дома бы надо поработывать. Уважь ты меня, насѣки хорошенько. Вотъ тебѣ крестъ, заслужи.

Но мужикъ такъ и остался неувѣреннымъ, а вмѣсто этого былъ хитроумно напоенъ водкой такъ, что на другой день не захотѣлъ и опохмеляться.

Когда я представляю себѣ дядню наружность, то я всегда вспоминаю прежде всего его большія темныя руки, всегда загорѣлыя, которыя любовно гладили меня по стриженной головѣ, потомъ близкій китель съ золотыми пуговицами, рѣзко блестящими на солнцѣ, и поостъ этого уже широкое бородатое лицо съ хрипцатымъ толстымъ носомъ — все строгое и такое добродушное, какъ бываетъ у крупныхъ и умныхъ животныхъ, спокойныхъ и благожелательныхъ.

Дядя былъ закоренѣлый холостякъ, всю жизнь свою проскитался по цыгански по всему широкому лицу земли, никогда не зная ни семейнаго уюта ни дѣтской ласки. Въ имѣніе же наѣзжалъ только по лѣтамъ. Поэтому-то, быть-можетъ, такъ и любилъ онъ дѣтей своего брата, всѣхъ насъ. Я помню, что смерть моего брата столь потрясла его, что онъ былъ долго боленъ.

Къ этому-то дядѣ и бѣхалъ я теперь одинъ, безъ брата. Я не знаю, хорошо ли я дѣлаю. Я бы не хотѣлъ ему вновь напомнить своимъ прѣдкомъ, что теперь навсегда я стану бѣднѣе къ нему въ одиночествѣ, но съ другой стороны, мнѣ думалось, что онъ обрадуется мнѣ больше, чѣмъ всегда, чтобы только страхнуть съ себя свое тяжелое уединеніе.

Стояло знойное полуденное удрученіе

Переправа гусарского эскадрона через рѣку Виндаву.

и нѣмота надъ всѣми полями и лѣсами, мимо которыхъ везъ меня по пыльной дорогѣ нашъ кучеръ Сидоръ. Лѣто было благоприятное для хлѣба и травы, и вѣяло, куда только глазъ хваталъ, стояли высокія и густыя зеленныя моря безъ единого островка незаросшей земли. Но могучее солнце вмѣстѣ съ ними выведо по всѣмъ полямъ на свѣтъ Божій и цѣлыя тучи всякихъ слѣпней, комаровъ, рогатыхъ и уса-тыхъ мухъ и еще какихъ-то удивительныхъ насѣкомыхъ, съ размаху натыкающихся на что понало и оглушающихъ себя. Солнце жгло, лошади трусили монотонно, цѣлый жи-ной, широкій, но одиотонный хоръ нѣлъ за моей спиной, и въ октаву ему высоко звенѣла какая-то расхлябанная гайка у тарантаса, и все это было такъ утомительно и трудно, что я сталъ забиваться. Какъ вдругъ потянуло легкой прохладой, потомъ нѣтеркомъ, и вне-запно обѣ высокія стѣны рѣки, глухо стоявшія по обѣимъ сторонамъ дороги, и дальняя соена придорожная дрогнули, склонились и загудѣли, и деревня, черезъ которую мнѣ надо было ѣхать, и которая была совсѣмъ на виду у меня, вдругъ исчезла въ летучей пыли. Вы-соко вверху пролетѣла откуда-то рокожа, и черная гуча, словно море, залила все ясное небо. Засіяла яловѣще молнія, заревѣтъ громъ, ударила мнѣ въ лицо холодная, крупная капля, и вдругъ за спиною завѣсой на-стоящаго дождя-ливня печешь въ окрест-ности. Все случилось такъ внезапно, что нечего было и думать добраться до деревни. Сидоръ пачалъ было хлестать лошадь такъ, что она стала лягаться, но колеса, словно войлокомъ, окутало густой грязью.

— Ваше благородіе! Покладуйте къ намъ! — вдругъ услышалъ я откуда-то среди гула и шума стихійнаго.

Засерните, вашъ сіяе! — прокричѣлъ оттуда же другой голосъ, старческий.

Слѣва разглядѣлъ я полевою часовню, какія ставять въ нашихъ мѣстахъ по дугамъ для благодарности, съ темной иконкой, съ жесткой лампадкой, съ маленькимъ, но широкимъ навѣсомъ въ видѣ галки. Я оставилъ своего Сидора на произволъ судьбы и бросаю туда свозъ дождевую тощцу.

Тачъ, словно двѣ козявки, жились два че-ловѣка. Одинъ былъ солдатъ съ котомкою за плечами, другой — пѣшивый старикашка босикомъ. Втроемъ намъ еще хватило мѣста.

На позиціяхъ въ Курляндіи. По фот. полковника А. Д. Далматова.

(См. очерки Н. Н. Брешко-Брешковскаго: „На Прибалтійскомъ театрѣ войны“ и „Война въ Прибалтійскомъ краѣ“ въ №№ 26 и 27 „Нивы“).

Нашъ сотрудникъ и военный корреспондентъ Н. Н. Брешко-Брешковскій со священ-никомъ гусарскаго полка о. Покровскимъ въ баронской усадьбѣ Априкенъ, спустя нѣсколько минутъ послѣ того, какъ нѣмцы были выбиты гусарами изъ усадьбы. За участие въ кавалерійскомъ бою, за взятіе Априкена и за то, что, подъ сильнымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ непріятеля, былъ переводчикомъ между командиромъ эскадрона и захваченнымъ на позиціяхъ неизвѣстнымъ, Н. Н. Брешко-Брешковскій награжденъ георгіевскою медалью за храбрость.

— Ты далеко, солдатъ? — спросилъ я. Да опять къ себѣ, въ солдатство. Былъ раненъ, отды-халъ дома.

Старикъ повертѣтъ головой, засмѣялся и скакалъ:

— Солдатъ. Какое это слово? Совсѣмъ чудное.

— А какъ я тебя училъ? — сказалъ ему солдатъ. — Ну-ка, повтори. Что есть солдатъ?

Старикъ вытянулъ руки по швамъ, высоко поднялъ голову, такъ что борода его стала торчать горизонтально, и скакалъ безъ передышки:

— Солдатъ есть названіе первое и общее. Солдатомъ называется какъ простой рядовой, такъ и твой бригадный генералъ, такъ и первое военное лицо въ государствѣ.

— Ну вотъ, — сказалъ солдатъ и засмѣялся, засмѣялся и старикъ.

Намъ недолго пришлось стоять у часовни. Туча про-неслась такъ же быстро, какъ и пришла. Вдругъ прогинуло солнце, и гигантская яркая радуга стала одной свѣтлозарной ногой на мокрой травѣ невдалекѣ отъ насъ, а другой раз-махнулась за деревню, за рѣку, за широкое поле и оперлась на далекій, чуть видный холмъ. Все рѣзало глазъ мокрымъ блистаніемъ, и гладкая шерсть у лошади отливала масломъ.

Сидоръ мой забился подъ тарантасъ, подъ который осталось сухое нитно дорожки. Я закричалъ ему, чтобы под-катывать сюда.

— Что жъ, садитесь, подвезу до перевоза, предло-жить я обоню.

Солдатъ выпрыгнулъ охотно на передокъ, старикъ же смутился.

— Ноги грязныя. Поврежу вамъ экипажикъ. — робѣлъ онъ, но наконецъ набрался духу и прицѣпился на под-ножки.

Впрочемъ, просидѣть онъ недолго. Какъ только выѣхали за деревню и начался крутой спускъ къ рѣкѣ, онъ сталъ руководить лошадью и Сидоромъ и такъ кричалъ и хло-поталъ, что даже вепотѣлъ весь. Сидору, видимо, старикъ сильно надобѣтъ, и онъ велѣлъ ему отойти прочь. Ста-рикъ побѣжалъ къ рѣкѣ и задрезжалъ разбитымъ голо-сомъ своимъ:

Перевозъ, перевозъ!

Плотъ стоять на той сторонѣ, но изъ будки никто не показы-вался. Видно, перевозчикъ спалъ или ушелъ на дѣло. Старикъ махалъ руками, словно вѣтряная мельница. Къ нему подошла гусеница съ гусенятами, вытянула шею, проинчѣла что-то и снова вернулась къ стаду, и все стадо отвѣтило одобрительно: го-го-го!

Вѣтряная мельница въ Курляндіи, возлѣ имѣнія. Около мель-ницы — нашъ гусарскій разъѣздъ. Движеніемъ крыльевъ этой мельницы шпіоны сигнализировали германскимъ отрядамъ.

— Эй! хлопотунъ! — разсмѣялся Сидоръ. — Гусей-то съ ума свелъ! Капитонъ, да ты раздѣнься и плывай самъ туда. Гляди въ на тебя жакло!

Капитонъ, ни слова не изобразя, сейчасъ же снялъ штаны и рубаху и бросился въ воду. Стая рыбокъ, застывшая надъ пе-скомъ у камешка, съ перепугу даже выскочила вверхъ. Капи-

Гусарскій эскадронъ идетъ походнымъ маршемъ вдоль берега Виндавы, чтобы атаковать усадьбу съ засѣвшими тамъ уланами 9-го померанскаго полка.

На позиціяхъ въ Курляндіи. По фот. полковника А. Д. Далматова.

(См. очерки Н. Н. Брешко-Брешковскаго: „На Прибалтійскомъ театрѣ войны“ и „Война въ Прибалтійскомъ краѣ“ въ №№ 26 и 27 „Нивы“).

Похороны убитых в бою немецких солдат. Впереди на бричке ъдет мѣстный пасторъ.

тонъ замахалъ надъ водой тощими руками. Узкій, словно доска, онъ плылъ хорошо, подблескивая на сотни желтой сини. Онъ скоро выбрался на тотъ берегъ, вскопчил на плотъ и потянулъ его къ намъ.

Вдругъ я услышалъ за своей сининой беззаботный хохотъ, и голосъ, до того мнѣ радостный и знакомый, что я не повѣрилъ своимъ ушамъ, закричалъ:

— Вайюшка! Шельмецъ ты этакій! Ужъ ты не ко мнѣ ли?

Я оглянулся и увидѣлъ самого дядю, подбѣжавшаго въ блестящей коляскѣ. У перевоза сходились все дороги, но я никакъ не могъ подумать, чтобы дядя куда-то могъ ѣздить изъ своего имѣнія. Но что меня особенно поразило, это дядинъ видъ. Я ожидалъ найти его все еще болѣзненнымъ и удрученнымъ, а между тѣмъ передо мной былъ тотъ величественный, мужественный и веселый генералъ, какимъ я зналъ его и помнить въ далекомъ дѣтствѣ. Словно бы десять лѣтъ сразу свалилось съ него.

— Громадина-то, громадина какая сталъ! — кричалъ мнѣ генералъ изъ коляски своимъ болѣзненнымъ голосомъ.

Онъ ѣхалъ безъ кучера и правилъ самъ.

— Жаль, что поцѣловать тебя не могу. Последній годъ?

— Последний!

— А тамъ тебя на гурку. Побѣдншъ?

— Побѣду, дядюшка.

Мы оба расхохотались такъ, что солдатъ у перевоза, орломъ вытянувшийся передъ генераломъ, не могъ не улыбнуться.

— Здорово, рубака! — крикнулъ ему генералъ.

— Здравія желаю, ваше пр-ство! — счастливо заорать солдатъ.

Генералъ прищурился на него, внимательно разглядѣвъ и спросилъ:

— Тимошей?

— Такъ точно, ваше пр-ство!

Годный Капитонъ уже подгонять плотъ къ причосткамъ. Я отпустилъ своего упрямага Сидора домой и пересѣлъ въ щегольскую дядюшкину коляску.

— Ну вотъ, теперь подбѣедемъ. Здравствуй, шельмецъ! — сказалъ дядя, обнимая меня. — Забѣдемъ-ка тутъ въ избу, возимъ квасу подать. — предложилъ дядюшка. — Садись, Тимошей, сзади. Нечего кости ломать. Къ своей части?

Латыши везутъ на сосѣдній перевязочный пунктъ раненыхъ въ бою немецкихъ солдатъ.

На позиціяхъ въ Курляндіи. По фот. полковника А. Д. Далматова.

(См. очерки Н. Н. Брешко-Брешковскаго: „На Прибалтійскомъ театрѣ войны“ и „Война въ Прибалтійскомъ краѣ“ въ №№ 26 и 27 „Нивы“).

Последнія слова дядины и внезапная задушевность его были мнѣ еще удивительнѣе, чѣмъ недавнее его оживленіе. И тутъ, Богъ вѣсть какъ, мнѣ пришла въ голову такая мысль, какой я сначала даже не повѣрилъ. Но она отлично объясняла мнѣ все, что дѣлалось въ дядиной душѣ.

— Дядюшка! Да неужели? — воскликнулъ я, пораженный.

Онъ повернулся ко мнѣ и яснымъ простымъ умомъ своимъ сразу же понялъ меня.

— А что же? — сказалъ онъ. — И пойду. Ясно, какъ огурецъ. Твой ораторъ шель, ему не оратор надъ, ухомъ: неужели?

— Такъ вы теперь въ городъ ѣздитъ?..

— Какъ огурецъ!

— И хлопотали объ этомъ?

— Огурецъ!

Я съ такимъ восхищеніемъ и сіяніемъ посмотрѣлъ на него, что онъ даже смутился.

— Ну-ну! — сказалъ онъ, отворачиваясь. — Ясно!

Онъ заговорилъ о чемъ-то опять съ Тимошеемъ. Они стали вспоминать какое-то давнее время, когда Тимошей служилъ еще у дяди въ имѣніи. Генералъ вдругъ подмигнулъ Тимошеему и спросилъ:

— А помнишь, какъ ты просился посѣчь тебя?

Въ минуты отдыха. По фот. С. Корсакова.

и часто хлопалъ глазами, а Тимошей стоялъ передъ нимъ весь красный, какъ ракъ.

— Ежели что и было... — бормоталъ скороговоркой дядя. Ты слуга, я баринъ. Понятно, старикъ, старый оселедь...

— Помилуйте, ваше пр-ство, — въ то же самое время бормоталъ и Тимошей. — По гробъ жисти ласку помнить буду. Извольте простить, ваше пр-ство!

Увидѣвъ меня, дядя строго нахмурился и замахалъ мнѣ рукой.

— Ну-ну! — закричалъ онъ. — Не твое тутъ дѣло, не твое! Ясно!

Онъ пошелъ къ тарантасу и взялъ вожжи въ руки. Когда мы снова очутились среди зеленыхъ неоглядныхъ полей, дядя обернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Такъ-то вотъ, шельмецъ. Ни одного камня нельзя выбросить изъ короны, ни про одинъ камень нельзя сказать: „это плохой камень“. Помнишь притчу, какую я тебѣ рассказывалъ?

Да, я помню эту притчу и только съ новыиъ восхищеніемъ смотрѣлъ на него. И притчи этой не забылъ мнѣ всю жизнь.

Шорники за работой. По фот. С. Корсакова.

— Такъ точно! — счастливо вспомнилъ Тимошей. — Я самый и былъ.

Оба они засмѣялись и такъ надолго, что баба, которая вышла изъ крайней избы намъ навстрѣчу съ квасомъ въ глиняномъ кувшинѣ, устала стоять перетъ ницъ и пошла разгонять двухъ неистово дерущихся на дорогѣ пѣтуховъ.

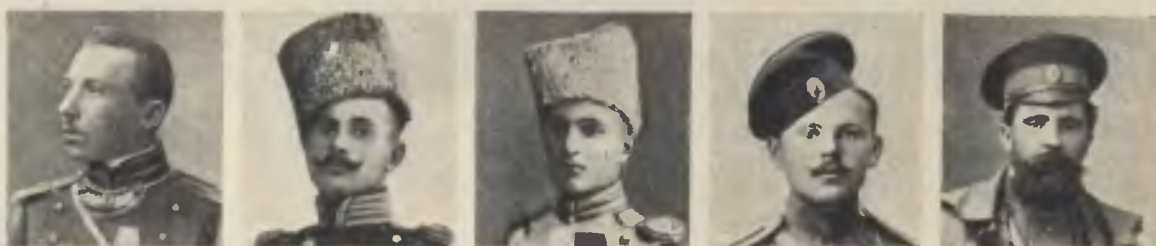
Дядя вынулъ стаканъ квасу и пожелалъ умыться. Тимошей любовно помогъ ему высадиться изъ тарантаса и потомъ пошелъ за нимъ вообще помогать. Видно, онъ хорошо узналъ дядины привычки за все время службы у него.

Я остался одинъ среди пустынной улиты. Баба ушла въ избу, разогнанные пѣтухи удалились на задворки, гдѣ имъ никто не могъ мѣшать. Изъ одного окна высунулась было кудлатая стариковская голова, глянула туда-сюда спросонья, но и тотчасъ же спряталась. Сначала я все восхищался дядиной независимостью, доблестью и благородствомъ, представляя себѣ, какъ онъ ѣздитъ въ городъ. Но скоро я усталъ дожидаться, замотать вожжи за желѣзную ручку у перекла и пошелъ въ открытыя ворота во дворъ.

Совершенно неожиданно я наткнулся тутъ на дядю и Тимошею. Оба они стояли посреди двора, и оба были столь странны, что я долгу не могъ ничего сообразить. Дядя мять въ рукахъ платокъ

Походная кузница. По фот. С. Корсакова.

Подполковник
Д. Н. Захаровъ.Есаулъ
Л. О. Аничкинъ.Капитанъ
Е. М. Державинъ.Капитанъ
Е. И. Илыковъ.Штабс-капитанъ
Е. Н. Крыловъ.Штабс-капитанъ
А. А. Кузьминъ.Штабс-капитанъ
Б. Н. Фалёвъ.Штабс-капитанъ
Н. С. Калининъ.Штабс-капитанъ
В. А. Устиновичъ.Штабс-капитанъ
В. Г. Бѣликъ.Штабс-капитанъ
О. А. Патраманъ.Поручикъ
В. З. Смольскій.Поручикъ
И. А. Киришечъ-
Бовременецъ.Поручикъ Г. В.
Фонъ-Баумгартенъ.Сотникъ
Б. М. Бардышевъ.Поручикъ
И. Е. Петровъ.Подпоручикъ
Н. С. Мелиновскій.Подпоручикъ
Г. И. Сологубъ.Хорунжий
А. А. Пискуновъ.Прапорщикъ
С. И. Смирновъ.Прапорщикъ
Я. В. Смирновъ.Прапорщикъ
А. М. Духовниковъ.Прапорщикъ
Н. Д. Модестовъ.Прапорщикъ
А. А. Малининъ.Прапорщикъ
В. И. Шутвъ.

Въ заревѣ войны.

(Записки военного корреспондента). М. Доманскаго.

XI. На питательномъ пунктѣ.

На станціи Р. шагахъ въ полтора часа отъ вокзала, возлѣ самыхъ путей, я увидѣлъ нѣсколько палатокъ. Подошелъ ближе. Надъ входомъ въ самую большую, подъ русскимъ національнымъ флагомъ, — маленькая вывеска:

„Н-скій питательный пунктъ“.

Удивительно кстати. Когда сегодня утромъ, сдѣлавъ послѣдній тридцативерстный перегонъ на лошади, я приѣхалъ на станцію и, остановивъ какого-то субъекта въ желѣзнодорожной фуражкѣ, спросилъ, имѣется ли здѣсь, на станціи, буфетъ, онъ посмотрѣлъ на меня, — я ясно видѣлъ, — съ весьма значительной долей презрѣнія и отвѣтилъ:

— Какой же тутъ можетъ быть буфетъ? Всего только три дня, какъ нѣмцевъ отсюда выгнали. Станція вся разбита!

Вотъ почему маленькая вывеска надъ палаткой привела меня въ искреннее умиленіе.

У входа я столкнулся съ сестрой, молодой, красивой.

— Скажите, сестра, вы питаете только нижнихъ чиновъ?

— И нижнихъ чиновъ, и офицеровъ, и генераловъ, и людей штабскихъ, словомъ, всѣхъ, кто хочетъ ѣсть! — отвѣтила сестра, улыбающаяся.

Я вошелъ. То, что я увидѣлъ, могло привести въ изумленіе даже самого избалованнаго комфортаго чловека.

По всей длинѣ палатки тянулся большой столъ, покрытый красивой липовой узорчатой скатертью. На столѣ въ вазахъ и стаканахъ были разставлены букеты яркихъ цвѣтовъ. Среди букетовъ стояли подъ большими стеклянными колпаками закуски: ветчина, сыр, сардины, кильки и какіе-то маринады. Громадные стеклянные кувшины съ водою чередовались съ такими же кувшинами съ молокомъ. Возлѣ каждого прибора лежала безукоризненной чистоты подъ цвѣтъ скатерти лиловая салфетка.

Противоположную отъ входа стѣну палатки занималъ тоже не маленький столъ, весь заваленный газетами и журналами. И на этомъ столѣ стояло нѣсколько букетовъ.

Два остальныхъ угла палатки были заняты большимъ ледникомъ и столомъ, на которомъ высились груды тарелокъ самаго разнообразнаго калибра и привѣтливо попыхивали на спиртовкѣ громадный кофейникъ.

Было уютно и красиво. Непривычно красиво въ боевой обстановкѣ. Сестра, которую я встрѣтилъ у входа, пошла вѣдѣть за мной. Я повернулся къ ней и замѣтилъ:

— Хорошо, очень хорошо у васъ, сестра! Но только, пожалуй, здѣсь много лишней роскоши!

— Знаю! Знаю! — широко улыбнулась она. — Много разъ уже слыжала. Зачѣмъ на столѣ безукоризненно чистая да еще узорчатая скатерть, когда столъ можно покрыть клеенкой? Почему вода и молоко въ стеклянныхъ кувшинахъ? Вѣдь эмалированные много практичнѣе. Зачѣмъ закуски подъ колпаками? Это ничего, что мухи; можно ѣсть и съ мухами; ну, и конечно, совершенно излишняя и даже, пожалуй, недопустимая на войнѣ роскошь — цвѣты. Вы это хотите сказать?

— Не совѣмъ! Я только высказываю предположеніе, не является ли вся эта красота, вѣрнѣе, даже роскошь въ ущербъ удобству, практичности?

— Очень возможно! — отвѣтила сестра. — Возможно, и даже не возможно, а несомнѣнно, что эмалированные кувшины перевозить гораздо легче, нежели стеклянные. Стеклянные колпаки легко бьются. Скатерть и салфетки приходится часто стирать. Словомъ, есть и нѣкоторыя неудобства и много лишней работы. Но я нахожу, что все это, — вся эта излишняя роскошь, какъ вы изволите выражаться, — необходимо. И именно здѣсь, на войнѣ. Теоретически я вамъ доказывать этого не буду, а разскажу, что случилось у насъ недѣлю три тому назадъ. Мы стояли у самыхъ передовыхъ позицій, верстахъ въ шести позади нашихъ окоповъ. Разбили лагерь и, между прочимъ, эту самую палатку у деревушки, вмазали котлы, начали работать. Полно всегда нижнихъ чиновъ, не пустуетъ и офицерская столовая. Зашелъ однажды штабс-капитанъ пѣхотный: съ позицій его везли раненаго. Рана

несерьезная. — ружейная пуля зѣвную руку у плеча нависла, прошла. Зашелъ закутить. Подали ему ветчины, яичъ, ветчины, потомъ кружку кофе со сливками. А столъ такъ же, какъ сейчасъ, былъ убранный: стеклянные кувшины, колпаки, скатерть, цвѣты. Посидѣлъ штабс-капитанъ, закурилъ, газеты, журналы просмотрѣлъ.

— Скажите, — говоритъ, — вашъ питательный пунктъ — благотворительное учрежденіе? Платы ны никакой не беретъ?

— Благотворительное! Благотворительное! — говоритъ. — Платы намъ не полагаются!

— А на какихъ средствахъ все это дѣлается?

— Это, — отвѣчаю, — краснокрестскій отрядъ. Значитъ, на средства, которыми Красный Крестъ получаетъ отъ общества отъ народа.

— На пожертвованія?

— Да, на пожертвованія!

Вынулъ бумажникъ, досталъ оттуда двѣсти рублей, проиогиваетъ мнѣ и говоритъ:

— Позвольте въ такомъ случаѣ и мнѣ внести свою лепту. Это половина моихъ сбереженій, сдѣланныхъ за время войны. Большое, — говоритъ, — вы дѣло дѣлаете. И не столько тѣмъ, что кормите насъ. — слава Богу, гододны мы рѣдко бываемъ, — сколько красотой, уютомъ, которыми вы это обставили. Посидѣлъ я у васъ и первый разъ за время войны душою отдохнулъ, какъ слѣдуетъ. Вы представить себѣ не можете, какъ уютно и на войнѣ отсутствіе уюта, красоты, изыщества! И эта чистая скатерть, и красивые кувшины, и цвѣты въ вазочкахъ, вся эта въ обычное время мелочь, сейчасъ имѣютъ для меня да и для десятковъ, сотенъ такихъ, какъ я, громадное значеніе: мы лишены всего этого. Насъ тянетъ къ такой обстановкѣ, потому что сна непохожа на ту, въ какой намъ приходится сейчасъ жить. Большое вамъ спасибо!

— Говоритъ, а у самого голоса дрожитъ: видно, нервы сильно истощены.

— Вотъ видите! — снова улыбнулась сестра. — Выходитъ, что вся эта роскошь далеко не такъ излишняя, какъ кажется на первый взглядъ. А мы рады и порабогаче лишнее и испытать нѣкоторыя неудобства, лишь бы дать возможность, какъ сказалъ

штабс-капитанъ, отдохнуть у насъ душой. Однако, говорятъ, солдаты баснями не кормятъ. Чѣмъ прикажете васъ потчевать?

Обѣдъ будетъ готовъ черезъ три четверти часа. Можете-быть, выпьете сейчасъ кружку кофе и закусите бутербродами?

— Съ наслажденіемъ!

Сестра занялась приготовленіемъ кофе. Я закурилъ. Въ палатку вошла еще одна сестра, постарше, и, не замѣчая меня, сдѣлала глубокий реверансъ первой сестрѣ и съ преувеличенной важностью отъявила:

— Сегодня на третью у насъ мороженое.

И, только тутъ замѣтивъ меня, сконфузилась и покраснѣла. Я поспѣшилъ представиться и, чтобы вывести сестру изъ неловкаго положенія, замѣтилъ:

— Мороженое на позиціяхъ! Это тоже одно изъ чудесъ нашей войны.

— Какое же это чудо? — живо отвѣтила сестра. — Машинка у насъ есть, установка была только за лѣдомъ. Я отправилась въ мѣстечко и нашла у аптекаря ледникъ, доверху набитый лѣдомъ. Теперь можно каждый день мороженое крутить. А вы задумали кофе пить? Чего ради? Скоро вѣдь обѣдъ!

Сегодня еще маковой росники во рту не имѣлъ! — отвѣтилъ я.

— Бѣдненькій! Ну, кушайте, кушайте на здоровье.

— Тѣмъ боже, что обѣдъ еще не такъ скоро! — замѣтила первая сестра. — Пока мы еще бѣженцевъ накормимъ!

— Какихъ бѣженцевъ? — спросилъ я.

— Мирныхъ жителей, крестьянъ, которые бѣжали изъ полосы, занятой нѣмцами. Ихъ понемногу увозятъ въ тылъ. Но ежедневно прибываетъ по нѣскольку сотъ новыхъ. Сейчасъ на станціи ихъ скопилось около двухъ тысячъ. Мы всѣхъ ихъ кормимъ. Слышите? Уже собираются!

Уже минуты двѣ-три снаружи доносится гулъ голосовъ.

Рис. 1. „На питательномъ пунктѣ“. По всей длинѣ палатки тянулся большой столъ...

Рис. 2. „На питательномъ пунктѣ“. Всѣ мѣста у столовъ были заняты...

— Неужели они такъ нуждаются въ кормежкѣ? Здѣшніе крестьяне очень вѣдь состоятельны!

Во-первыхъ, отвѣтила сестра: мы никогда не спрашиваемъ тѣхъ, кто къ намъ приходитъ, состоятельны они или нѣтъ. Разъ они пришли, значитъ, хотѣть есть. А во-вторыхъ, они бѣжали побѣдно, не успѣвъ ничего взять съ собою. Наконецъ они очень деликатны. Если кому-нибудь удалось захватить хоть немного припасовъ, такой къ намъ не явится. Даже болѣе, съ нами поѣдутъ. А вчера, напримѣръ, такая исторія вышла. Сидимъ мы въ палаткѣ, отдыхаемъ. Всѣмъ персоналомъ сидимъ, и сестра и напѣ завѣдующій хозяйствомъ. Вдругъ подходятъ четверо стариковъ. Сняли шапки, поклонились.

Что скажете? спрашиваемъ.

— Черель чаша, говорить, мы убѣждаемъ! У насъ у каждого есть здѣсь по двѣ коровы. Такъ по одной мы вамъ оставляемъ. Какъ намъ?

— А какъ вамъ? Значитъ, совѣтъ отдаемъ! Вы народъ кормите: онъ у васъ тутъ на почтѣ пойдутъ! Спасибо вамъ и за насъ и за дѣтей вашихъ несчастныхъ. Помогай вамъ Боже! „Поклонились и ушли. Коровъ мы рѣшили пока что не рѣзать: молоко свое будемъ. А молоко намъ нужно: дѣтей у бѣженцевъ очень много“.

Сестра помолчала печного, потомъ тяжело вдохнула.

Эти бѣженцы — ужасное явленіе! Мирные люди, никакого отношенія къ войнѣ не имѣющіе, должны бросать трудъ, все свое имущество и уходить, потому что придутъ разбойники и не только разграбятъ все, но еще изобьютъ или даже убьютъ. Вы бы видѣли, въ какомъ ужасномъ состояніи они являются сюда, на станцію. До полу смерти напуганные, совершенно разбитые морально. Помогите, для нихъ вѣдь это конецъ. Неожиданный, ужасный конецъ спокойной, сытой жизни. Впередъ абсолютная неопредѣленность. Гдѣ преклонить голову, чѣмъ кормиться, какъ вообще жить? Дома нѣтъ. Тамъ, гдѣ былъ домъ, хозяйничаютъ сейчасъ нѣмцы. Значитъ, вернуться туда нельзя. И снова ужасный вопросъ: временно ли это, или ужъ никогда нельзя будетъ вернуться. Вотъ почему женщины все время плачутъ: не легко вѣдь все это. Это горе одно, такъ сказать, общее. Но у многихъ есть еще свое личное горе. Ахъ, какъ много его, если бы вы только знали. Вчера утромъ подвѣзжаетъ одинъ возъ, всѣ бѣженцы здѣсь, вонъ насть, на потягъ останавливаются, на возу, какъ у всѣхъ, мѣшки, ухваты, а сверху сидитъ баба и человекъ пять дѣтисекъ. Баба плачетъ во-всю. Подошла я, спрашиваю:

— Что ты плачешь?

— Отецъ у меня остался!

— Гдѣ?

— Дома! Въ деревнѣ!

— Зачѣмъ же вы его оставили?

— Больной онъ, безногий!

— Стала я разспрашивать. Дѣйствительно, есть отъ чего заплакать. Жили спокойно, работали. Вдругъ, страшная вѣсть: нѣмцы идутъ, ужъ близко. Сообщили объ этомъ пастухи, которые пасли стадо далеко отъ деревни. Началась паника. Запрягли лошадей, сложили въ телегу, что подъ руку полагалось, посадили пятерыхъ дѣтей: старшей двѣнадцатилѣтней, а на печи хозяйкинъ, отецъ лежалъ, рыбакъ старый, ревматизмъ

его такъ крутило, что шевельнуться не можетъ. Стать его хозяинъ поднималъ, чтобы на возъ посадить. Кричитъ старикъ отъ боли. Потомъ замолчалъ:

— Не трогайте, — говоритъ, — меня! Не мучьте. Лучше я здѣсь останусь.

— Нельзя здѣсь! — говоритъ ему. — Сейчасъ нѣмцы нѣмцы придутъ. Убьютъ тебя!

— Цускай убиваютъ! Все равно я не доѣду. Куда мнѣ!

Поспорили, поспорили, оставили старика. Положили возъ его краюху хлѣба, поставили ковшъ воды и уѣхали.

— До сихъ поръ несчастная женщина плачетъ.

— Что теперь съ отцомъ моимъ будетъ?

— Стала я ее утѣшать:

— Не убьютъ вашего отца, не безпокойтесь! Зачѣмъ нѣмъ больного старика убивать?

— Если нѣмцы не убьютъ, плачетъ, — такъ самъ съ голоду умретъ. Вѣдь онъ шевельнуться не можетъ, не то, что съ печи слѣзть!

— На это я ужъ ничего не смогу отвѣтить. Развѣ это не ужасно? А то есть тутъ еще одна женщина. Та совѣтъ ненормальна отъ горя. Впрочемъ, есть отъ чего съ ума сойти. Вообразите, она потеряла дѣтей. Вдова она и бѣдная, лошади не было. Когда всѣ бросились уходить, взвалила она узелъ на спину, взяла дюжину дѣтей за руки и пошла. Отошли версты пять. Вдругъ слышишь нѣмецкій развѣдъ. Налетѣлъ съ крикомъ, съ обнаженными саблями. Это на стариковъ-то, женщинъ и дѣтей. Тѣ, конечно, обезумѣвъ отъ ужаса, бросились въ разные стороны. Дѣло происходило въ густомъ лѣсу, поздно вечеромъ. Нѣмцы кричали-кричали и повернули назадъ. Стать народъ выходить изъ лѣса. Вдова мечется во всѣ стороны.

— Гдѣ мои дѣти?

— Оказывается, одинъ ихъ видать, другой. Стали успокаивать несчастную женщину:

— Не безпокойся! Ихъ должно быть, кто-нибудь впередъ на телегу посадить. Дождутся! Куда имъ дѣться? Идемъ съ нами!

Послушалась вдова, пошла. По дорогѣ всѣхъ спрашивала. Всѣ говорятъ, что дѣтей видѣли. Дѣтей вѣдь вообще съ бѣженцами очень много. Пришла сюда, бѣгаетъ, ищетъ, нѣтъ дѣтей. Стала своихъ спрашивать, которые раньше прѣѣхали и пришли, никто не видѣлъ. Съ ума сошла несчастная. Назавтра бѣжать бѣженцы, потому что каждую минуту дѣти могутъ подойти или подѣхаютъ. Да и какъ теперь пройти черезъ линію нашихъ и германскихъ войскъ? Вы бы посмотрѣли на эту женщину! Совершенно ненормальная. Подходить къ каждому и спрашивать:

— Не видѣли ли вы моихъ дѣтей?

— Или сидитъ подъ деревомъ и стонетъ. Вы понимаете, до чего, значитъ, велики переживаемыя ею нравственные муки? Стоитъ, какъ стонуть отъ нестерпимой физической боли. Такъ много здѣсь, среди бѣженцевъ, горя, какъ много страданій, что передать нельзя!

Красивое лицо сестры стало печальнымъ. Повидимому, все это горе, всѣ эти страданія, о которыхъ она говорила, не просто проплывали передъ ея глазами, а западали глубоко въ душу.

Я закусила, допилъ кофе и попросилъ разрѣшенія посмотреть, какъ обѣдаютъ бѣженцы.

Рис. 3. „На питательномъ пунктѣ“. Пять санитаровъ весь день непрерывно разносятъ чай...

— Конечно, можно! Пожалуйста! живо отвѣтила сестра, нѣтая. Они какъ разъ сейчасъ сѣли. Пойдите, я вамъ покажу.

Мы вышли. У выхода изъ палатки, спирала, гянулось нѣсколько длинныхъ узкихъ столовъ. Вдоль нихъ стояли сидѣли. Всѣ мѣста у столовъ были заняты. Впередѣнку сидѣли женщины и мужчины, старики, старухи, дѣти. Въ глаза мнѣ сразу бросилась одна особенность. Несомнѣнно, лица у сидѣвшихъ были разные: одни были красны, другія некрасивы, были лица симпатичныя и несимпатичныя. Но рѣшительно на всѣхъ лицахъ, дѣлая ихъ удивительно похожими другъ на друга, лежала огненная пелена, тревоги, растерянности.

Нѣсколько санитаровъ разносили по столамъ бѣлые эмалированные миски съ жидкимъ варевомъ. Бѣли неторопливо, степенно. Миски выѣдали до чиста. Крошки хлѣба собирали со стола на ладонь и тоже съѣдали. Когда кто-нибудь кончалъ есть и вставалъ изъ-за стола, на его мѣсто тотчасъ же садился одинъ изъ ожидающихъ очереди.

Чѣмъ вы ихъ кормите? — обратился я къ сестрѣ.

Утромъ чай съ хлѣбомъ. Сейчасъ, на обѣдъ, два блюда: борщъ или супъ съ крошенымъ мясомъ и какая-нибудь каша. Сегодня, напримѣръ, манная на молокѣ. А въ шесть часовъ — ужинъ, одно горячее блюдо: или то, что остается отъ обѣда. Кромѣ того, цѣлый день даемъ въ неограниченномъ количествѣ чай. Но сахару только по кусочку на человѣка. Вотъ посмотрите: у насъ цѣлая батарея огромныхъ самоваровъ, а мы еле-еле успѣваемъ нагрѣвать кипяткомъ. Пять санитаровъ весь день непрерывно разносятъ чай. Это, быть-можетъ, неэкономно. Но сейчасъ дѣло, жара, вода здѣсь твердая, если они будутъ пить ее сырую, могутъ начаться желудочныя заболѣванія. Вотъ почему мы такъ охотно раздаемъ чай. А вотъ столы для нижнихъ чиновъ. — указала сестра.

Ихъ было всего два, и они были значительно короче тѣхъ, за которыми сидѣли бѣженцы. Я удивился. А сестра объяснила:

Здѣсь не то, что у самыхъ позицій. Здѣсь нижніе чины проходятъ главнымъ образомъ командами. А команду безъ обѣда не отправляютъ. Поэтому массоваго кормленія нижнихъ чиновъ у насъ здѣсь нѣтъ. Но все же человѣкъ, до полтора года, до двухсотъ ежедневно набирается.

— Да бѣженцевъ, вы говорили, до двухъ тысячъ?

— Это сегодня около двухъ. А позавчера и вчера было немного меньше.

— Какъ же вы справляетесь? — спросилъ я съ искреннимъ удивленіемъ.

Сейчасъ нетрудно! — весело отвѣтила сестра. — Машинка уже налажена. Я числюсь старшей сестрой. Та вторая сестра — моя помощница. Но работаемъ мы одинаково. Санитары наши народъ расторопный. А всю канцелярскую часть ведетъ завѣдующій хозяйствомъ.

И неутомительно?

— Раньше утомлялась, сейчасъ уже ничего, привыкла!

Вы, вѣроятно, хорошая хозяйка?

Рис. 5. „На питательномъ пунктѣ“. Въ минуты отдыха.

Рис. 4. „На питательномъ пунктѣ“. Старшая сестра.

Я хорошая хозяйка? — Сестра искренно разсмѣялась. — Наоборотъ, я прескверная хозяйка, то-есть была до войны. Понятія о хозяйствѣ не имѣла.

— Такъ зачѣмъ же вы пошли на питательный пунктъ?

— Это, видите ли, вышло такъ! Мой мужъ офицеръ. Мы три года женаты, но дѣтей у насъ нѣтъ. Когда мужъ уѣхалъ съ полкомъ на войну, я рѣшила сдѣлаться сестрой милосердія. Хотѣлось внести и свою крошечную лепту въ великое дѣло! — Соединившись со мной немного смутилась и покраснѣла. — А, можетъ-быть, просто испугалась тоски. Хотѣлось, чтобы что-нибудь увлекло, захватило всю цѣликомъ. Кончила курсы сестеръ милосердія. Благодаря знакомствамъ, пошла сразу въ передовую санитарный отрядъ и сразу же оскандалилась. Оперировалъ докторъ солдата, ну изъ ногъ вынимать. А мнѣ приказали держать ногу. Подошла и храбро. Но, когда хлынула кровь, когда солдатъ застоналъ, я ослабла. Передъ глазами поплыли красные и зеленые круги, ноль подъ ногами закачался. Точно сквозь сонъ слышу, докторъ кричитъ:

— Уведите сестру, ей дурно!

— Увели меня. Немного отошла. Какъ же теперь быть? — думаю. Не могу, значитъ, работать. Поговорила съ нашимъ старшимъ врачомъ, удивительно симпатичный, отзывчивый человекъ.

— Вы, говорить, исподволь привыкайте! Раньше только къ легкимъ перывкамъ присматривайтесь. Забѣмъ постепенно на болѣе серьезныя переходите. А тамъ и сами попробуете справиться!

— Стала я приучать себя. Ничего не выходило. Не могу видѣть крови, дурно дѣлается. Опустились у меня руки. Вотъ тебѣ, думаю, и поработала! Нужно обратно домой бѣжать... Спасибо, тотъ же старшій врачъ надумалъ:

— Зачѣмъ домой бѣжать? Попробуйте поработать на питательномъ пунктѣ. Тамъ тоже люди нужны!

— Но вѣдь я о хозяйствѣ имѣю самое смутное предположеніе!

— Чепуха! При желаніи живо научитесь!

И вѣрно. Перебралась на питательный пунктъ, начала работать, научилась. Штука вѣдь не мудрая! Пойдемте, я вамъ покажу нашу кухню. Вы увидите, въ какихъ грандіозныхъ размѣрахъ у насъ все дѣлается!

Мы осмотрѣли кухню, походили по лагерю бѣженцевъ.

— А теперь идемте обѣдать! — посмотрѣла на часы сестра. Обѣдъ былъ простой, но обильный и вкусный. Кромѣ завѣдующаго хозяйствомъ, двухъ сестеръ и меня, обѣдали еще три офицера и нѣмцы, который утромъ въ этотъ день прѣѣхали изъ занятой германцами полосы.

Время прошло незамѣтно. Послѣ обѣда нѣкоторые разошлись, нѣкоторые остались просмотрѣть газеты и журналы. Я стала прочитывать.

Заходите еще до отъѣзда! — любезно пригласила старшая сестра.

И въ ея привѣтливыхъ словахъ, и въ только-что покинутой мною, съ трогательной заботливостью обставленной, палаткѣ, и во всемъ, что окружало эту палатку, было удивительно много гнѣха, краснаго уюта, такого цѣннаго, такого необходимаго на войнѣ.

HHBA

